

— Он сам не свой. Когда войдешь, ни в коем случае не тревожь его лишний раз, — Марко тихонько притворил дверь и с предельной серьезностью посмотрел на Хань Цзина.

Отношение Марко к молодому генералу уже не было столь враждебным, как на борту «Бретона», когда он встречал его ледяным молчанием и шагу не давал сделать навстречу Морису. Сейчас его тон смягчился, хотя в голосе по-прежнему сквозила прохлада. Марко не мог избавиться от глухого раздражения при виде этого юного азиатского лица — слишком жива была память о тех страданиях, что пришлось перенести Морису.

Хань Цзин лишь кивнул. У него не осталось сил ни на злость, ни на то, чтобы спорить с Марко, который всю дорогу только и делал, что вставлял ему палки в колеса. Все его мысли были сейчас лишь о том, кто лежал на больничной койке. Морис метался в тисках жестокой боли. Губы его были плотно сжаты, по резким скулам катился обильный пот, а длинные золотые волосы, обычно напоминавшие тончайший шелк, безжизненно взмокли.

— Я здесь, Морис, — прошептал Хань Цзин.

Сердце его сжалось от жалости. Склонившись над постелью, он перехватил бессильно вытянутую руку генерала. Пальцы Мориса были ледяными.

— Сожми мою ладонь, если не вможоту. Так будет легче.

Помня о предостережении Марко, Хань Цзин изо всех сил старался казаться спокойным, чтобы не выдать собственного отчаяния и не встревожить раненого. Он переплел свои пальцы с его, словно вьюнок, обвивающий крепкое дерево, пытаясь передать любимому хотя бы каплю душевного тепла через этот мягкий, ободряющий взгляд.

Вглядываясь в глубину этих ласковых темных глаз, Морис не заметил подвоха. Стоило ему почувствовать крепкую руку Хань Цзина, как изнуряющая, тупая боль словно немного отступила.

Морис сильнее сжал его ладонь. Так было всегда: стоило протянуть руку, как Хань Цзин ловил ее, бережно и ревностно, словно величайшую драгоценность в мире. Но почему... почему Хань Цзин пришел только сейчас, когда его позвали?

Очередной приступ спазма скрутил внутренности. Сквозь мучительную волну боли в душе Мориса вдруг поднялась детская обида. Нахмурившись, он глухо, с трудом выдавливая слова, прошептал:

— Почему ты... только сейчас? Почему не был со мной?

— Это я не пускал его, — вмешался Марко. — Хотя он все время караулил под дверью. Я думал, ты не хочешь, чтобы он узнал... о твоей беременности.

Марко нахмурился, глядя на друга. Таким он Мориса еще никогда не видел. Они знали друг друга с юных лет, и Норман всегда отличался железным, суровым нравом. Даже когда на Хароне его едва не вытащили с того света после тяжелейшего ранения, он не позволял себе подобной слабости.

"Неужели этот выкидыш причиняет ему больше страданий, чем смертельная рана? — подумал Марко. — Или ледяной панцирь, в который Морис заковал свое сердце, окончательно растаял перед этим ничем не примечательным Хань Цзином?"

"Он и впрямь так сильно дорожит ребенком, от которого еще недавно твердо намеревался избавиться..."

"Вот только этого ребенка, судя по всему, спасти уже не удастся""

Глядя на жуткие алые пятна, пропитавшие мундир генерала, Марко понимал, к чему все идет. Он медлил с осмотром лишь ради того, чтобы окончательно не лишить Мориса самообладания.

— Мне придется разрезать одежду, — предупредил он, зная, насколько уязвим сейчас гордый четырёхзвёздный генерал.

Морис не мог выдавить ни слова. Нынешняя пытка превосходила любые ранения, полученные им в боях. Но ради ребенка он заставил себя застыть, не смея сделать ни единого лишнего движения, словно ядовитый огонь, пожирающий душу, заперли внутри его собственного тела.

Почувствовав, как напряженное тело в его руках задрожало, Хань Цзин прижал Мориса к себе плотнее, пытаясь забрать часть этой невыносимой муки через переплетенные пальцы. Но это почти не помогало. Когда Марко разрезал ткань и осторожно коснулся живота Мориса, генерал заметно вздрогнул.

— Ему же больно, Марко! — в панике выкрикнул Хань Цзин.

— Но у него нет никаких ушибов? — Марко растерянно замер.

Кожа на округлом, белом животе Мориса казалась безупречно гладкой, словно дорогой шелк. Ни единого синяка, ни малейшего следа от удара, даже обычной для беременных пигментации или растяжек. Если Морис испытывал такую дикую боль, то на животе или пояснице должны были остаться хоть какие-то гематомы от столкновения. На деле же тело выглядело идеальным, что противоречило всем законам медицины.

— Нужно провести глубокое обследование, — помрачнев, глухо произнес Марко.

Сердце Хань Цзина ушло в пятки. Он почувствовал, как пальцы Мориса судорожно сжались и мелко задрожали. Похоже, генерал тоже все понял.

— Не бойся... — Хань Цзин бережно загородил Мориса собой, стараясь сделать так, чтобы тот ни в коем случае не заметил расплывающееся под ним кровавое пятно. — Внешних повреждений нет, значит, с малышом все будет хорошо.

— Но мне так больно... — прошептал Морис.

На его обнаженную кожу нанесли холодный гель, и тяжелый датчик ультразвука медленно скользнул по животу. Каждое прикосновение отзывалось внутри изматывающим, тупым спазмом, подтачивающим волю. В сапфировых глазах генерала блеснули слезы. Он до крови искусал побелевшие губы. Морис смертельно устал. Если бы не страх за жизнь ребенка, он бы с радостью позволил себе провалиться в спасительное беспамятство прямо на груди Хань Цзина.

Хань Цзин склонился к нему, крепко сжимая его ледяную ладонь, и прижался губами к покрытому испариной лбу Мориса, пытаясь скрыть бурю эмоций, бушевавшую в собственных глазах.

"Пусть бы не было этого ребенка, — с замиранием сердца подумал он. — Пусть его не будет вовсе, лишь бы Морис перестал мучиться! Какая же сила терзает этого гордого, волевого человека, если он не может сдержать стона?"

На экране монитора, тихо попискивая, проступили очертания крохотного тельца: маленькая головка, поджатые ножки и ручки. Стенки матки были абсолютно целы, а датчики фиксировали ровное, правильное сердцебиение.

Марко ошеломленно уставился на экран. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он убрал датчик и повернулся к изможденному генералу.

— Ребенок в порядке. Я осмотрел все очень внимательно — нет ни малейших признаков выкидыша.

Он сам с трудом верил собственным словам. Что уж говорить о Морисе.

— Но живот... раскалывается, — преодолевая боль, выдавил Морис. В его затуманенном сознании все еще теплилась прежняя стальная цепкость. — Боль сильнее, чем тогда, на Хароне...

— С ней правда все хорошо. Посмотри сам, она спокойно спит у тебя внутри. — Марко развернул экран к Морису и указал пальцем на крошечный силуэт.

Морис мгновенно обмяк. Хань Цзин тоже замер, не в силах отвести взгляда от монитора. Их пальцы переплелись еще крепче.

Хань Цзина захлестнула волна небывалого трепета. Он осторожно приподнял Мориса, прижимаясь грудью к его спине. Ему казалось, что их сердца бьются в одном ритме, сливаясь в единое целое.

— Пока угрозы нет, но подробный осмотр придется отложить до тех пор, пока тебе не станет лучше. На этой базе нет специализированного акушерского оборудования, к тому же ты принимал слишком много запрещенных препаратов, — Марко тщательно подбирал слова.

Случай Мориса ставил его в тупик. Потерять столько крови — и при этом сохранить беременность в абсолютной целостности... Словно нежный цветок уцелел в самом эпицентре урагана. Неужели мифическая регенерация атлантов сотворила это чудо?

— Твои показатели идеальны. На клеточном уровне — стопроцентное восстановление. Погибающие клетки мгновенно замещаются новыми, здоровыми. Видимо, именно благодаря этому ты так быстро оправился после того крушения? — Марко еще раз просмотрел отчеты на терминале, и его болотного цвета глаза сощурились от недоумения. — Но почему тогда тебе так больно? Приборы показывают идеальный пульс, идеальное давление... Все системы работают безупречно.

— Ему невыносимо плохо, — Хань Цзин бережно поддерживал Мориса, чувствуя, как его тело содрогается от беззвучной дрожи и медленно оседает на подушки. — Может, проведем полное сканирование?

— Лучевая диагностика дает сильное облучение. Это может навредить ребенку.

— Я не буду... делать это... — едва слышно прошептал Морис. Взгляд его угасал, веки налились свинцом.

— Марко! Ему хуже! — Хань Цзин в панике перехватил обмякающую ладонь Мориса, пальцы которого стремительно теряли силу.

— Придержи его, — скомандовал Марко. Показатели жизнедеятельности оставались стабильными, что немного успокаивало. Он быстро достал альгезиметр и шагнул к кровати.

Прибор показал девяносто единиц.

Марко оцепенел. Девяносто из ста! При разрывах внутренних органов порог боли обычно не превышает шестидесяти пяти. Девяносто — это уровень терминальной стадии рака или родов без анестезии, предел человеческой выносливости. При таких муках пульс и давление должны были взлететь до критических отметок, но показатели Мориса оставались пугающе

идеальными. На лбу Марко выступил холодный пот. Он понял, что столкнулся с чем-то, выходящим за рамки известной науки.

— Морис?

— Морис!

Голоса Хань Цзина и Марко доносились словно сквозь толщу воды. Морис отчаянно пытался приподнять тяжелую руку, чтобы успокоить Хань Цзина, но бесконечная, тупая боль не давала передышки ни на секунду. Длинные золотые волосы разметались по плечам Хань Цзина, взмокнув от пота.

Убедившись, что с ребенком все в порядке, Морис наконец сдался. Силы иссякли, сознание подернулось мутной пеленой, и глаза его медленно закрылись.

— Тихо, не шуми! Это защитная реакция организма. Никто не может долго оставаться в сознании при такой боли. То, что он отключился, даже к лучшему. — Марко мягко отстранил Хань Цзина.

Стрелка альгезиметра упорно дрожала на отметке в девяносто единиц, словно Морис переживал нескончаемые, чудовищные родовые схватки. Но как это возможно при нормальном давлении и безупречной кардиограмме? Марко был в полной растерянности.

— Он потерял сознание? — голос Хань Цзина дрожал. Он прижимал к себе Мориса так, словно тот был хрупким хрустальным сосудом.

— Да... Все его жизненные показатели в норме, даже лучше, чем у обычных людей. Мы не знаем причину боли, но раз уж он уснул, пусть отдыхает. — Марко проверил пульс Мориса, приподнял веко, чтобы осмотреть зрачок, и решил ограничиться наблюдением.

— И все-таки, может, сделаем сканирование? — Хань Цзин по-прежнему не находил себе места, бережно укладывая Мориса обратно на постель.

— Я же сказал, облучение противопоказано при беременности.

— Но вдруг у него скрытое внутреннее кровотечение? Иначе с чего бы взяться такой боли?

— А о ребенке ты подумал?

— Для меня главное — чтобы выжил Морис! — отрезал Хань Цзин, в упор посмотрев на врача. В его глазах читалась непоколебимая решимость.

Марко опешил, и его тон невольно стал мягче.

— Ты ведь знаешь, как Морис дорожит этим ребенком. Он фронтовой командующий базы. Все отчеты проходят через его руки. Если он узнает, что мы пренебрегли безопасностью плода, нам обоим несдобровать. Тебе-то, может, и все равно, а я подставляться под его гнев не желаю. Да и вообще, его вся база до смерти боится...

Марко немного преувеличивал, но доля правды в этом была.

— К тому же он невероятно горд. Для сканирования придется вызывать медсестер, а без его прямого согласия я бы не хотел разглашать новость о беременности. Он ведь все-таки четырёхзвёздный генерал...

Сам того не замечая, Марко впервые за долгое время разговорился с Хань Цзином без прежней враждебности.

Хань Цзин сжал ледяные пальцы Мориса и глубоко задумался. Он отлично знал, насколько тот горд. За все полгода их близости Морис ни разу не позволил себе проявить слабость.

"Мысль о беременности наверняка терзала его, — размышлял Хань Цзин. — Не зря же он так сорвался и впервые накричал на меня накануне миссии SG-I""

— Ты уверен, что с ним все будет хорошо? Что это физиологически нормально? — спросил он Марко.

— Я бы не стал рисковать его жизнью, — серьезно ответил Марко. — Пока наблюдаем. Если ситуация ухудшится, соберем консилиум из столичных специалистов. В конце концов, я не акушер...

— Подержи его правую руку, — Марко взял шприц и ввел лекарство в капельницу. — Анальгетик Дирсон безопасен для плода. Скорее всего, это то, что в медицине называют нейрогенным болевым синдромом. На сегодняшний день такие фантомные боли практически не поддаются лечению и остаются белым пятном в науке.

— Нейрогенный болевой синдром? — Хань Цзин осторожно приподнял руку Мориса.

Кожа генерала на ощупь напоминала нежный жемчуг, а на кончиках длинных пальцев проступили крошечные капли пота. Даже во сне Морис продолжал хмуриться, не в силах вырваться из тисков этого кошмара.

— И кроме анальгетиков ему ничем нельзя помочь? — Хань Цзин с болью смотрел на бледное лицо Мориса. На только что вытертом лбу генерала снова выступил холодный пот. На душе у Хань Цзина было невыносимо тяжело, словно в грудь забили острый свинцовый клин.

— Ничем. Тут все зависит исключительно от ресурсов самого организма. Слышал когда-нибудь об одном эксперименте? В свое время его провели над приговоренным к смерти заключенным. Его привязали к электрическому стулу и прямо у него на глазах приложили раскаленное железо к его руке. Разумеется, боль была адской. После нескольких таких пыток заключенному завязали глаза. Он услышал знакомое шипение раскаленного металла и закричал от невыносимой муки. На его руке тут же вздулся тяжелейший ожог. Вот только на самом деле к его коже приложили едва теплый брусок, а настоящим железом прижгли кусок свинины, лежавший рядом! Человек не получил никаких физических повреждений, но силой собственного разума вызвал у себя ожог третьей степени.

— Это реальный случай, который федеральное правительство позже засекретило из-за негуманности методов, — продолжал Марко, ловко орудуя иглой капельницы. — Классический пример нейрогенной реакции. Разум и душа способны оказывать колоссальное физическое воздействие на тело. К сожалению, за последние триста лет наука так и не продвинулась в изучении этого феномена. Мы словно уперлись в невидимую стену. Возможно, Творец намеренно скрыл от нас эти знания?

— Или эти правила когда-то давно установили атланты, — отозвался Хань Цзин. Его мысли текли медленно и тяжело. — Они исчезли с лица земли, но оставили человечеству своего рода ограничители. Нам позволено открывать огонь, порох, сталь и пар лишь постепенно, шаг за шагом проникая в тайны гравитации и строения вещества, пока мы не дошли до расщепления атома и антиматерии. Сделай человечество этот шаг чуть раньше — и мы бы давно уничтожили себя. Цивилизация железного века не способна совладать с ядерным оружием.

После путешествия в затерянный мир Идо Хань Цзин понимал суть этих ограничений гораздо глубже, чем Марко.

"Возможно, эти рамки, которые мы считаем естественными законами природы, на самом деле — лишь защитные протоколы, прописанные атлантами для безопасности человеческой расы? — подумал он. — Путь эволюции, из которого убрали все опасные развилки..."

— Марко!? — Хань Цзин внезапно осекся. Растерявшись, он крепче сжал ладонь Мориса.

Игла, которую только что ввели в вену генерала, сама собой выскользнула наружу, и лекарство потекло по гладкой коже.

Марко тут же проверил мониторы. Давление, пульс и кардиограмма по-прежнему оставались идеально ровными. Он с облегчением выдохнул.

Присмотревшись к руке Мориса, Марко оцепенел. На белоснежной, гладкой коже не осталось даже следа от укола! Более того, исчезли даже застарелые мозоли от рукояти пистолета, которые всегда были на ладонях генерала из-за многолетней службы. Рука выглядела безупречной, словно выточенной из цельного куска белого нефрита. Божественное творение, не знавшее изъязнов.

Марко ошеломленно замер на секунду, а затем резко рванул край разрезанного мундира вверх. Хань Цзин не успел среагировать — верхняя половина тела Мориса оказалась полностью обнажена.

— Ты что творишь!? — Хань Цзин взревел от ярости и, мертвой хваткой вцепившись в плечо Марко, грубо оттолкнул его назад.

— Справа на ребрах... нет шрама? — пробормотал Марко, словно не замечая чужого гнева. Он завороченно смотрел на шелковистую, отливающую жемчужным блеском кожу Мориса. — Он ведь был тяжело ранен! Ему насквозь пробило грудную клетку обломком обшивки! Еще год назад здесь красовался уродливый рубец, я сам его осматривал! Куда он делся?

— Морис был ранен? — Хань Цзин уловил суть его слов. Злость мгновенно улеглась, сменившись тревогой. — Почему я ничего об этом не знаю? Он никогда не рассказывал... Да и я сам не видел на нем никаких следов.

— Не может быть, — прошептал Марко, качая головой. — Такие шрамы остаются на всю жизнь.

— Но это так! — Хань Цзин решительно заслонил собой Мориса, не позволяя врачу больше пялиться на него. Он быстро стянул с вешалки белый халат Марко и бережно укрыл им обнаженное тело генерала, тщательно подоткнув ткань у самых плеч, словно защищая свое самое сокровенное сокровище от чужих глаз.

<http://bllate.org/book/19677/2006459>